Павел
КУРАВСКИЙ

Посвящается светлой памяти
моего отца, Владимира Куравского

СТАРЫЕ ВЕЩИ

Старых вещей всё меньше,
Всё больше новых вещей.
Затёрты руками женщин,
Вытрепаны вообще,

Старые вещи топорщатся,
Ёжатся по углам.
Не бойтесь, мои хорошие,
Я вас в обиду не дам.

Футболка отца – на фото
Он в ней, и я пацаном
В Ялте, в Крыму, в далёком
87-ом.

А вот и моя футболка.
Купил в Златоусте... нет,
В Миассе. Минуло сколько?
Двадцать огромных лет.

Родные мои тряпицы,
Вкладыши, письмена –
Не вы у меня хранитесь,
А вы храните меня.

Без новых вещей – негоже,
Я с ними в ладу вполне,
Но старые мне дороже
И с каждым годом родней.

ПАРАД НАРОДНОГО ЕДИНСТВА

Мой прадед Коля (из-под Пензы)
Лёг в 41-ом за Можайск.
На нём тогда споткнулись немцы,
Сгребая красный урожай.

Мой прадед Лёша, из хопёрских,
Гнал этих немцев до Двины.
Осколки жгли, как хлещут розги –
Два года прожил он с войны.

Мой польский прадед Анджей Шацкий
С тяжёлой раной в кадыке
Атаковал Рейхстаг и Ланквиц
От милой Волги вдалеке.

Мой прадед по еврейской части,
Саул, к войне уже был стар.
Саулу отрядили власти
Госпиталя и комсостав.

О, прадеды кровей российских,
Скажу и много лет спустя:
Во всех своих Россия смыслах
На ваших держится костях.

А мы всё что-то учреждаем –
Бездарное, не на века.
В себе охотно побеждаем
Неочевидного врага.

Какое радостное свинство –
Быть праздным на чужой крови!
Моё народное единство –
Не из кремлёвской головы.

Оно – из мест, где каждый мускул
Звенел, но дрался молодцом,
Где каждый был солдатом русским,
Советской армии бойцом.

ПРИГОВОРЁННЫЙ К ВЫСШЕЙ ЭРЕ

Я вижу: тени идут назад.
(Алексей Ачаир)

Стоял сентябрь 79-ого.
Жара была в Сибири, как в Сахаре.
Из чувства, не вполне самим понятного,
Родители мои семьёю стали.

Глазастые округлые автобусы
Возили их домой и на работу,
А школота тащила гладиолусы,
Хотя в жару учиться неохота.

Десятилетье минуло с Даманского –
Страна жила, спокойна и готова
К премьере сериала уркаганского
О подвигах Шарапова с Жегловым.

И сам Высоцкий пел в аудиториях,
Вовсю живой, хотя и подуставший.
И Даль – на сцене, и Дассен – в «Астории»,
И Леннон – жив. Таков был мир тогдашний.

Вот это слово – мир – и будет главное.
Все помнили, что войны – не игрушки.
А если спецбригада – то с Харламовым
На острие, и из орудий – клюшки.

Осенний мир – он был безбрежен вроде бы.
Казалось, неба не было бездонней.
Не дай вам Бог увидеть гибель Родины,
Которая кормила вас с ладоней.

В Кабуле Тараки в расход пустили – и
Всё завертелось, как в киношалмане.
В медалях, братцы, Соколов с Устиновым
За всех ребят, оставшихся в Афгане!

Дворы пустели – «Холодильник» полнился.
И года не прошло, как сняли ранцы,
А уж под полубокс остригли волосы
И назывались гордо – новобранцы.

Да, их вбирала новая история
И за звеном звено тянула беды:
Недо-победа, недо-перестроили,
Недо-Союз, не-нерушимый, недо…

Я никогда не покорялся мистике
(Хотя фантомного не исключаю),
И что-то есть из области софистики
В моей непонимающей печали,

Но вас прошу понять – ну, хоть попробовать
Понять всю катастрофу наважденья:
Он рухнул, старый мир, представьте – ровно ведь
В том сентябре, в день моего рождения!..

Утраты цепко жизнь мою опутали,
Сопровождают неотступно, стойко.
Спасибо, Господи, за то, что трудно мне,
За то, что испытаний – столько,

За правого меня и виноватого,
Способного и помнить, и писать,
За тот сентябрь 79-ого –
Тысячелетие назад.

*

Витражное окно клинической больницы
Всё в пятнах ото лбов и от тревожных рук –
На верхнем этаже, где штат не суетится,
Поэтому стекло никак не ототрут.

Я в первый день взглянул на эти негативы,
На мутные следы от чьих-то лбов и щёк,
Но не сумел прочесть, и стало мне противно,
И я от витража брезгливо отошёл.

…под капельницей свой кинематограф жизни
По кадру процедишь, по капле – от и до.
В локтях ни вены нет, и колют прямо в кисти
Глюкозу, панангин, гептрал и мексидол.

Но всё же для меня дни временные эти –
Болезненный подъём с мучительного дна,
А кто-то здесь – жилец, и не жилец на свете,
Уткнувшись, в мир глядит из верхнего окна.

Как стыдно мне страдать на фоне привидений
За синяки своей исколотой руки,
Когда вокруг, вдоль стен, струятся люди-тени.
Сосуды и сердца тонки, как лепестки.

В последний вечер я поднялся на десятый,
Уставился в Сибирь, в мороз её и мглу,
И, отыскав пробел среди понятных пятен,
Я прислонился лбом к холодному стеклу.

БАШЛАЧЁВ

Самоубийство... смех и грех...
О чём молва-то?!
Самоубийство ль – фронтовой
Успех солдата,

Когда он лезет на Рейхстаг
Вперёд приказа
И водружает алый флаг
И – гибнет разом?..

Но этот флаг горит другим
Как луч, как светоч;
Они идут к нему – сквозь дым,
Сквозь боль и немощь.

Так и Поэт – он Слово дал
В наследье людям.
Он им оправдан навсегда.
Он – неподсуден.

Он тлеть не мог, он сердце жёг
И шёл по краю, –
Увы, блаженные дорог
Не выбирают.

Он этой краткою судьбой
Как шут, надул вас.
«Поэт покончил сам с собой» –
Какая глупость!

Поэт не властен жить в седле
Коня Пегаса.
Свеча горела на столе,
И вот – погасла,

И стопку рифм прожгла до дна
В душе Поэта.
Он, как нормальная луна,
Исчез с рассветом.

Он приходил, чтобы сказать
То, что сказалось.
Смеяться ль, закрывать глаза,
Давить на жалость –

Всё это мелкою волной
Кипит на тризне.
Поэт покончил не с собой,
А только с жизнью.

Летит в раскрытое окно
Немного плоти,
А слово вещее – оно
Всегда на взлёте.

Его – ни в форточку, ни в грязь,
Ни на сто первый.
Огонь его весёлых фраз –
В умах и в нервах.

Он с нашей пошлостью мирской
Был сшит условно.
Он был боец – борец с тоской,
С тупоголовьем.

Язык был весел, дерзок, смел,
И, не в укор нам, –
Он слово вывернуть умел
Наружу корнем.

А то, что в 27 ушёл, –
Не значит – не был.
Он просто выпил посошок
И вышел в небо.

*

Что за дивное диво – Антильские острова!
Горьковатый голландский сладок в устах мулаток.
Звёзды тонут в волнах, но небесная острога
Их упрямо ловит и вешает на экватор.

Распластайся под ночью и пей, и считай до ста
Миллионов звёзд, или пой, расслезив глаза, о
Темногрудых красавицах города Виллемстад,
Златобедрых гетерах острова Кюрасао.

Не сердись, что я этим чужбинам даю твоё
Безрассудное имя, милый домашний берег!
Что слезою меня Атлантический водоём
Может враз смахнуть на любую из двух Америк,

И, надравшись рому, галдящие гуарани
Меня бросят за борт – просто для развлечения –
Вопреки и во имя, солёный панцирь, храни,
И влеки меня к дому тёплым густым теченьем.

Ну, а если хлебнуть мне всё-таки суждено
Непропойные вёдра лёгких из ночи дальней –
Не хотелось бы падать на это цветное дно,
Не хочу быть пустым кораллом в кусте коральем!

Ты пронзи и меня, двенадцатая параллель,
Перебравшего волн – зачерпни, Орион, поскорей за
Подбородок, за шиворот – вытяни, скромно наклей
На небесную карту, в окрестности к Бетельгейзе.
С вами, большие братия, Ригель и Беллатрикс,
Наступлю лучом на Антильское побережье.
Хорошо бы вон тех бледнотелых чужих девиц
До хрустящей корочки местных – допечь, донежить!

ХАРБИН, КОТОРОГО НЕТ

Ты теперь повзрослел, возмужал и раскинулся –
Богатеют и в небо ползут этажи.
Полстолетья, как вычтены, списаны в минусы –
И славянская речь, и колючий пиджин.

Внешне – тот же, от центра до ветхой окраины:
Питер в сопках Манчжурии, город-проспект;
Изнутри ты – чужой: православная храмина,
А заходишь – музей коммунизма… Эффект!

Ты красив и отвратен, и сладко и больно мне
Видеть радугу люминесцентных обнов.
От земли до креста шит знакомыми формами,
Содержаньем китайским налит до краёв.

Распрощаемся тихо, сударыни-судари,
Без салютов и спичей, без гимнов и од.
Здесь когда-то стоял русский город на Сунгари;
Он ушёл, и уже никогда не придёт.

Вдоль по круглой Земле, во вторичном гонении,
Разлетелись твоих перекрёстков послы –
Вольный город Харбин, полоса отчуждения,
Русский Китеж, которому некуда всплыть.

ЗИМНИЙ КРУГ

…Потому что зима.
Говорят, что сойти с ума
Можно в любом сезоне; мне легче – нынче.
Поутихли дома,
И морозный хрустит туман,
Умыслов полон, как голова Да Винчи.

То ли выйти на снег
И, к дрожащей припав сосне,
Поорать во всю глотку в лунное рыло ночи?
Там сегодня – ясней,
Чем обычно, и холодней, –
На январском мареве – звёзд торопливый почерк…

То ли в жаркую печь
Папиросным дымком утечь,
Обагрить кирпичное лоно продрогшей костью?
То ли лампы зажечь
И зимовье своё стеречь,
И готовиться, ждать одну заветную гостью?..

Разжигайте дрова,
Распаляйте в себе дрова –
Чтобы не сгинуть – в воющем, в белом, в чуждом;
И храните слова,
Как тепло, храните слова,
Будто локон – запах костра, потому что – зима…
Говорят, что сойти с ума…